

хотворенность огромна, однако она в значительной мере подчинена критическому складу, самобытное вдохновение — трудолюбию публициста, политическое раздумье — политическому действию¹. Мнения Луи Арагона и Пьера Кота не расходятся с приведенными. Вместе с тем единодушно признается его блистательный публицистический талант. «Эренбург — самый выдающийся журналист Советского Союза»², — пишет о нем Рикардо Пьеккио. Пьер Гамарра называет его «грозыным когтем памфлетиста»³. «Едкий, как серная кислота», — как бы дополняет Алден Уитман. В свою очередь Пристли в 1943 году восторгался лишенной дешевых пропагандистских приемов, наминающей документальную повесть публицистикой Эренбурга⁴.

Когда речь шла об Эренбурге-публицисте, критики были почти единодушны в признании его сатирического таланта⁵. Даже Нино Франк пишет о Хулио Хуренито как о «лучшем из его пикаресков». Историк литературы Клод Фриу отмечает: «В начале двадцатых годов другой жанр охотно культивируется интеллигентами, которые еще интересуются ценностями аллегорической, философской и космополитической фантазий. Эренбург... наиболее талантливо представляет их в своих *Похожждениях Хулио Хуренито*»⁶.

Как автор «геронко-романтических» романов 30-х годов Эренбург завоевал признание самых разных людей — от Вандервельде, босса бельгийских социал-соглашателей⁷, до самых ярких немецких пролеткультовцев⁸, вызывая одновременно неприязнь, насмешки и даже откровенное зубоскальство буржуазной прессы.

Романы Эренбурга 40—50-х годов в коммунистической печати оцениваются как великолепный пример нового, многопланового, полифоничного, социально-политического романа⁹, а в буржуазной критике или вызывают лаконичные, сухие констатации о тяготении писателя к социальной тематике (Рикардо Пьеккио, Клод Фриу), или рождают едкие, презрительные замечания, вроде заявления Франсуази Соваж: Эренбург «... специализировавшийся на культурной борьбе против прогнившего и декадентского Запада»¹⁰.

В зарубежной критике об Эренбурге мы нередко обнаруживаем интересные, тонкие замечания, касающиеся его литературного или публицистического

¹ *См. книга*, стр. 181.

² *Dizionario Universale della Letteratura contemporanea*, Arnoldo Mondadori Editore.

³ Пьер Гамарра, *Ilya Ehrenburg — un grand témoin de notre temps*, „L'Humanité“, 2.IX.1967.

⁴ И. Б. Пристли, *Introduction to I. Ehrenburg, Russia at War*, Лондон, 1943.

⁵ Исключение составляют лишь некоторые пролеткультиствующие немецкие критики 20-х годов. См. Г. Флигге, *Sowjetische Literatur in der kommunistischen deutsche kritik*, „Zeitschrift für Slawistik“, I Band XVIII, Берлин, 1968.

⁶ Клод Фриу, *Littérature soviétique de 1917—1945*, „Histoire générale des Littératures“, Париж, 1961, том. III, стр. 225.

⁷ По поводу романа *День второй* Вандервельде писал: «Так, несмотря на все, этот народ идет по грязи, по снегу к звездам. Самая законная из всех революций дала ему веру и надежду — чудодейственное обновление социальной жизни» (И. Эренбург, С. с., т. 9, стр. 58).

⁸ Г. Юнгер, *Menschenbild und Entwicklungstendenzen in der Sowjelliteratur*, „Zeitschrift für Slawistik“, I Band XVIII, 1968.

⁹ См. например, статьи: Шомльо Дьердь, *Gondolatok Ehrenburg új regényéről*, „Irodalmi újság“, nr. 25, 1953.; М. Новиков, *O operă literară în slujba Păcii*, „Scinteia“, nr. 2978, 1954.

¹⁰ „Paroles françaises“, 9 IX.1949 (Архив Ильи Эренбурга).